

С.В. БИРЮКОВ, А.М. БАРСУКОВ*

**ЛОКАЛЬНОЕ КАК ВОЗМОЖНЫЙ ОТВЕТ
НА ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ¹**

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению возможных альтернативных путей развития, связанных с повышением роли и веса локального уровня территориальной организации и управления в современных условиях. Авторы рассматривают эту проблему в контексте противоречивого и кризисного процесса трансформации устоявшихся пространственно-территориальных иерархий и становления более гибкой и приспособленной к потребностям социально-экономического развития модели управления. Наряду с целым рядом новых перспективных возможностей авторы обнаруживают ряд кризисных явлений на собственно локальном уровне территориальной иерархии, решение которых требует поиска новых властно-управленческих моделей и стратегий.

Ключевые слова: глобализация; локализация; территориальная организация; государственное управление; централизм; локальная политика; местное развитие; мировой город.

* **Бирюков Сергей Владимирович**, доктор политических наук, профессор, научный сотрудник Центра изучения России, Восточно-Китайский педагогический университет (Китай, г. Шанхай), e-mail: birs.07@mail.ru; **Барсуков Александр Михайлович**, кандидат политических наук, заместитель декана факультета политики и международных отношений Сибирского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, Новосибирск), e-mail: amb2@inbox.ru

Biryukov Sergey, East China Normal University (Shanghai, China), e-mail: birs.07@mail.ru; **Barsukov Alexander**, Siberian Institute of Management, Branch of RANEPА (Novosibirsk, Russia), e-mail: amb2@inbox.ru

¹ Исследование проводится в рамках поддержанного РФФИ проекта «Как создается протест? Пространства, символы и лидеры протестных сообществ в городах Сибири» № 18–011–0866.

Для цитирования: Бирюков С.В., Барсуков А.М. Локальное как возможный ответ на глобальные вызовы // Политическая наука. – М., 2019. – № 1. – С. 31–47. – DOI: 10.31249/poln/2019.02.02

S.V. Biryukov, A.M. Barsukov
Local as a possible response on global challenges

Abstract. The article is devoted to the consideration of possible alternative development paths associated with increasing the role and weight of the local level of territorial organization and management in modern conditions. The authors considers this problem in the context of a controversial and crisis process of transforming established spatial and territorial hierarchies and making the management model more flexible and adapted to the needs of socio-economic development. Along with a number of new promising opportunities, a number of crisis phenomena at the local level of the territorial hierarchy is discovered. Its solution requires the search for new power-management models and strategies.

Keywords: globalization; glocalization; territorial organization; public administration; centralism; local politics; local development; world city.

For citation: Biryukov S.V., Barsukov A.M. local as a possible response on global challenges // Political science (RU). – М., 2019. – N 2. – P. 31–47. – DOI: 10.31249/poln/2019.02.02

**Кризисы глобального развития
и предпосылки экспансии локального**

В современной ситуации значительное число научных исследований, интерпретирующих феномен глобализации, концентрируется на интерпретации таких тесно связанных с ней феноменов, как многообразные потоки, перемещения и сам процесс детерриториализации. Подобный анализ, прежде всего, отрицает неподвижные формы территориальной организации, равно как и различные проявления политики централизованного государственного регулирования. Кроме того, что не менее важно, в рамках этого анализа подробно рассматривается то, насколько тесно современная стадия глобализации связана с различными типами трансформации территориальной организации на разных субглобальных уровнях. На базе этой критики традиционных подходов к изучению пространственно-территориальной организации некоторые исследователи приходят к выводу о том, что процесс ретерриториализации, включающий в себя процессы реконфигу-

рации, реструктуризации и рескалирования на таких уровнях субглобальной организации, как города и государства, следует рассматривать в качестве важнейшей составной части процесса глобализации [Brenner, 2009, s. 73]. Опираясь на признанные классическими труды Дэвида Харви [Harvey, 1982] и Анри Лефевра [Lefebvre, 1978], современные исследователи развивают свою аргументацию в рамках продолжающейся дискуссии о различных путях и формах ретерриториализации в условиях современного этапа глобализации. Глобализация, равно как и ретерриториализация, рассматриваются в этих работах в контексте развития социально-экономического и политико-институционального пространств как феномены, постепенно переходящие на более высокие, взаимно пересекающиеся географические уровни и измерения, включая уже существующие регионы, формирующиеся межрегиональные объединения и локализованные пространства [Anderson, 1996; Cerny, 1995; Cox, 1993]. Такие непосредственно связанные с глобализацией процессы, как пространственно-временное «сжатие», ускорение оборота капиталов, товаров и услуг, а также повышение мобильности трудовых ресурсов востребуют изменения существующей иерархии территориальных уровней, что призвано позволить новым территориальным уровням и единицам превратиться в полноценных субъектов инновационного развития. Исследование упомянутых выше процессов не только с позиций структурного функционализма [Martindale, 1965], но в равной степени использование сетевого [Kilduff, Tsai, 2003; Kadushin, 2012], факторного [Brown, Timothy, 2006] и кластерного [Everitt, 2011] методов анализа, по глубокому убеждению авторов, формирует новые исследовательские горизонты и возможности, подчеркивая известную ограниченность возможностей традиционной методологии в новых условиях.

В частности, Д. Урри утверждает, что глобальный тренд в направлении «пространственно-временного сжатия» предполагает глубокое изменение привычных пространственных конфигураций и самого пространства с возникновением новых регулятивно-инфраструктурных форм и форм территориальной организации, создающих условия для ускорения циркуляции капитала, товаров и услуг [Social relations... 1985, p. 20–45].

Наряду с этим в большом числе работ, посвященных проблемам глобального развития, авторы отмечают протекающий се-

годня процесс освобождения социальных отношений от их локально-территориального «фундамента». В рамках этого более масштабного процесса они обнаруживают замещение «пространства мест» так называемым «пространством потоков» [Castells, 2010]. Более радикальные исследовательские подходы содержат в себе тезис о преодолении в современных условиях феноменов территориальности и географии как таковых [Ruggie, 1995, p. 139–174; Global financial integration... 1992]. В числе других значимых последствий происходящих трансформаций некоторые авторы отмечают проницаемость границ, а также постепенную «детерриториализацию» сложившихся под эгидой национальных государств политических и культурных идентичностей [Appadurai, 1996].

Помимо этого, новая ситуация в международных и межгосударственных отношениях связана с изменением традиционных ролей государства, что в корне изменяет само содержание актуального политического порядка. Оставаясь ключевым инструментом организации актуального политического порядка, государства постепенно утрачивают прежнюю политическую монополию в качестве особого «места», конституционно установленной территории, в рамках которой осуществляются функции политического выбора, представительства интересов и легитимации, формируются культурная идентичность и ключевые политические институты [Keohane, 2002, p. 1–13]. Институциональное устройство государств заметно усложняется в связи с переносом «центра силы» «сверху» на уровень регионов, коммун и муниципальных образований, и «наверх» – на уровень «международных режимов», а также «вовне» – в систему рынка и гражданского общества.

По большей части, под «разгосударствлением» в данном случае понимается фактический отказ от признания черт государства, неразрывно связываемых с ним в политической философии Нового времени: единства народа, государства и территории. В ситуации же «фрагментации» авторитета и суверенных полномочий государства граждане воспринимают «многоуровневую идентичность», связанную, в том числе, с субнациональным и наднациональным уровнями и зачастую не ограниченную определенными пространственными рамками. Новые социальные движения, в свою очередь, также изменяют общеполитический контекст, опираясь на такие новые формы идентичности, как пол, этничность или региональное самознание.

Однако вместо конца эры территориальных государств вышеописанные изменения ведут к возникновению новых форм многослойной дипломатии и многоуровневого управления, нуждающихся, в свою очередь, в современных формах соединения, координации и представительства. Это проявляется на разных уровнях современной политики. Протекающие сегодня процессы вынуждают институты управления на разных уровнях реагировать на постоянно происходящие социальные изменения [Vasiliache, 2009, s. 81–89]. Сама политика при этом активно регионализируется. Формирование новых экономических структур происходит по преимуществу на региональном и местном уровнях и зависит от подвижного соотношения «факторов места». На местном уровне политико-организационные формы варьируют в таком широком диапазоне, что процесс «организовывания» становится важнее самих организационных форм, а процесс проектирования – важнее самой структурной перспективы. С точки зрения формального подхода в современных условиях имеет место невероятное смешение публичного и приватного действия, что заметно усложняет содержание публичной политики [Bogeson, 2000, p. 171–174].

Одной из предпосылок для складывания новой ситуации явился взрывообразный рост городов. Выдающийся представитель экономической истории Фернан Бродель в своем труде «Мировые перспективы» показал выдающуюся роль городов и государств в процессе становления и развития капитализма как мирового экономического уклада (Braudel, 1984). По заключению Фернана Броделя, именно в конце периода раннего Нового времени территориальная экономика национальных государств соединилась с экономической географией городов и урбанизацией. Одновременно с этим проявились устойчивые связи между динамичным развитием городов и ростом в масштабе национальных экономик [Sassen, 2001]. Всемирная иерархия городов в течение XIX–XX вв. в геополитическом масштабе бросала вызов мировой системе государств, одновременно поддерживая экономическую мощь последних своими экономическими возможностями [Taylor, 1995, p. 48–62]. В развитых промышленных странах численность городского населения составляла 30% в 1900 г. и 52,5% в 1950 г. Первая волна урбанизации в западных странах стала результатом успешного разделения труда, равно как и следствием концентрации тру-

да и капитала – к началу XX в. половина живущих в городах людей трудились в промышленности.

Роль городов как формы территориальной локализации капитала является сегодня известной и признанной. Города предопределили территориальную привязку капитала, обеспечив согласованное функционирование транспортной, энергетической и коммуникационной систем, связанных с определенными исторически устоявшимися формами производства, обмена, распределения и потребления [например, Gottdiener, 1985; Harvey, 1989; 1982; Scott, 1988; Storper, 1989].

Каковы перспективы города как одного из проявлений феномена локального? Достаточно напомнить, как еще в 1961 г. Л. Мэмфорд прогнозировал, что в последней трети XX в. весь мир превратится в единую сеть метрополий [Mumford, 1963]. Различные исследования обнаруживают связь урбанизации с феноменом тертиаризации (развитием третьего сектора) – рост сферы услуг, не связанный с прямым производством материальных благ [Self-service city... 2007]. Происходящие с середины XX в. структурные изменения способствовали росту социального благосостояния и большей степени социальной справедливости. Вместе с тем именно с ростом показателей урбанизации и миграции населения увязан процесс «глобализации рисков и неопределенностей» [Mehta, 2006].

В свою очередь, немецкий исследователь Карстен Циммерман считает, что городам присуща собственная логика развития [Циммерман, 2017]. В условиях трансформации локального управления можно говорить о том, что «эффект локальной политики» требует концептуализации и операционализации для интерпретации социально-политических аспектов. К. Циммерман обращает внимание исследователей на тот факт, что локальное институциональное развитие городов находится в силовом поле и в поисках баланса политических отношений в контексте реализации политики Центра и субнациональной политики. Более того, региональный и локальный уровни политических сообществ отражают особенности институциональной инфраструктуры, артикуляции интересов и формирования политических сетей. Российский исследователь Р.Ф. Туровский отмечает, что при формировании общенациональной политики для баланса политических отношений значение имеет интеграция региональных интересов [Туровский, 2014].

Некоторые исследователи анализируют особенности влияния описанных выше процессов на функционирование национальных моделей территориальной организации и государственного управления. В частности, французский исследователь Ф. Субра в своей книге «Геополитика обустройства территорий» [Subra, 2007, p. 3–20] говорит о современном глубоком кризисе централизованно-иерархической (этатистской) модели территориальной организации и управления территориями, которые, в свою очередь, подразделяются на четыре более частных кризиса: 1) финансовый кризис, который на первой фазе (1995–2008) был связан с отказом французского государства от его прежних обязательств в социальной сфере, а вторая (2012–2018) фаза связана с отменой либо пересмотром масштабных инфраструктурных проектов; 2) идеологический кризис, который был связан с критикой культурных оснований менеджмента территорий в 1960–1970-е годы, распространением экологических идей и крушением идеи «общественного интереса»; 3) геополитический кризис, связанный с кризисом идеи нации как доминирующего дискурса, с возникновением новых публичных акторов, конкурирующих с государством, с возрастанием активности территориальных коллективов, а также с влиянием европейских институтов, предприятий и ассоциаций; 4) кризис, связанный с масштабными социальными изменениями, выражающимися в усилении влияния среднего класса, росте численности собственников, а также с новыми практиками, сложившимися в рамках социально-экономического и публичного пространства (РТТ, возрастание социальной мобильности, развитие «зеленого туризма», сферы отдыха и развлечений, активизация экологического движения и др.).

В конечном итоге, по мнению Субра, в современной Франции с ее показателем урбанизации в 77% и проживанием более половины жителей в пунктах с населением более 200 тыс. человек существует большое число проблем, связанных именно с локальным уровнем территориальной организации и управления: загрязнение окружающей среды, деиндустриализация, «устаревание» транспортной и социальной инфраструктуры, высокие темпы миграции активных жителей в мегаполисы и агломерации, разрушение «традиционных» ремесел и профессий [Subra, 2007, p. 25]. При этом выход из этой кризисной ситуации в форме новой модернизационной стратегии и политики пока не просматривается.

Активизация потенциала локального как возможный ответ на кризис традиционных моделей управления

Таким образом, по мнению целого ряда исследователей, с конца 1970-х годов началась мощная волна так называемой «кризисной глобализации», которая в течение нескольких десятилетий последовательно усиливалась, углублялась и расширялась параллельно с усилением взаимозависимости друг от друга социально-экономических и политических акторов, действующих в рамках общемировых процессов. Одновременно глубокому изменению подверглись формы территориальной организации, существовавшие на локально-региональном, национальном и наднациональном уровнях. Постепенно складывающееся новое соотношение между различными географическими уровнями рассматривается некоторыми исследователями как проявление различных типов адаптации последних к условиям глобальной экономики [Brenner, 1998, p. 1–37].

Так или иначе, характер протекающих ныне процессов ретерриториализации не допускает сохранения прежних форм неподвижной территориальной организации в ситуации постоянно ускоряющейся циркуляции людей, товаров, капиталов, идентичностей и имиджей в рамках глобального пространства. Текущая стадия глобализации, таким образом, предполагает глубокую трансформацию существующих форм территориальной организации на различных субглобальных уровнях. Некоторые исследователи делают акцент на процессах ретерриториализации, реструктурирования и изменения масштаба различных форм территориальной организации, вследствие чего не только отдельные государства, но и крупные мегаполисы («мировые города») становятся ключевыми акторами глобализационных процессов [Brenner, 1997, p. 273–306]. Как следствие, на место традиционных форм регулирования и управления (governance) приходит политика, неразрывно связанная с особенностями тех или иных уровней пространственно-территориальной организации (politics of scale) и прежде всего локальным [Smith, 1992, p. 57–79]. В свою очередь, введенное в оборот Э. Свингедоу понятие «глокализации» [Swingedouw, 1997, p. 137–166; 1992, p. 61], обозначающее «комбинированный процесс глобализации и локально-территориальной реконфигурации», характеризует многоуровневый и конфликтный процесс реструктуризации существующих территориальных уровней и позволяет

лучше понять их роль в современных условиях. В этих новых условиях, по мнению некоторых исследователей, города и государства создают новую глобальную географию и изменяют стратегии экономических акторов, связанных с воспроизводством и аккумуляцией капитала. Следуя этой логике, некоторые авторы сосредотачиваются на изучении возможностей частных акторов, способных оказывать влияние на характер социально-политических отношений на разных территориальных уровнях [Grabner, 1993].

Некоторые исследователи связывают возможность соразмерного и адекватного ответа на кризисы глобального и национального уровней управления с развитием так называемых «мировых городов» (global cities). Интерес исследователей к этой проблеме повысился после выхода на шумевшей статьи Фридмана и Вольфа [Friedmann, Wolff, 1982, p. 309–344]. Исследователи связывают с данным феноменом новую модель международного разделения труда и рассматривают его появление как одно из следствий процесса ретерриториализации, в рамках которого по-новому выстраиваются отношения между производством и глобальным менеджментом [Friedmann, 1986, p. 69–83]. Различные авторы предлагают собственный взгляд на феномен «мировых городов» в контексте процессов глобализации и локализации.

1. Как место, в котором соединяются воедино различные производственные процессы, значимые в контексте глобализации, обеспечивается функционирование банковских и расчетных систем, рекламной индустрии, финансового и менеджмент-консультирования, институтов экономического права, а также так называемой «глобальной инфраструктуры» [Sassen, 1993; 2001].

2. Как пространства соединения локальных, региональных, национальных и глобальных процессов, с постепенным превращением в полицентричные глобальные регионы, т.е. место, вокруг которого складывается новый урбанистический ландшафт (Megapolopolis) [Gottmann, 1989, p. 163].

3. Как явление, связанное с феноменом «городских полей», который связывался с формированием мозаики, структурированной вокруг многих центров городской урбанизации [Lefebvre, 1995, p. 63–184].

4. Как явление, связанное с экспансией, протекающей в так называемых High-Tech-регионах [Sudjic, 1992].

5. Как явление, связанное с феноменом Echorolis, который представляет собой город без ясно определенного центра, соединяющего в себе динамику «изнутри-вовне» и «извне-вовнутрь» [Soja, 2014], примерами чего сегодня являются Лос-Анджелес, Амстердам, Франкфурт-на-Майне, Цюрих, Токио, Гонконг.

6. Как «неомаршалловские» узлы внутри глобальных сетей [Amin, 1992, p. 571–587].

7. Как региональные «моторы» мировой экономики [Scott, 1996, p. 391–411].

8. Как гибко специализированные локальные кластеры внутри «глобальной мозаики регионов» [Scott, 1982, p. 111–141].

Обобщенно современные исследователи фактически предлагают нам рассматривать мировой город как преимущественно глокальное пространство, в котором соединяются (сходятся воедино) многие уровни территориальной организации [Amin, 1994, p. 1–22], принимая во внимание неизбежность сдвигов в иерархии уровней территориальной организации, границы между которыми не являются твердо установленными.

Вместе с тем экспансия «мировых городов» не решает проблемы содействия равномерному социально-экономическому развитию территорий, но, напротив, косвенно способствует кризису традиционных регионов и городов. Наряду с этим ряд зарубежных исследователей ставят вопрос о конкретных формах и «структурных» основаниях модели многоуровневого управления, поскольку прежний иерархический порядок, воспроизводившийся централизованными государствами, постепенно уходил в прошлое. Структурной основой и механизмом интеграции системы многоуровневого управления были признаны разнообразные сети горизонтального и вертикального характера, связывающие между собой различные территориально-управленческие уровни [Kramsch, 2004, p. 535].

В российской политической регионалистике роль локального уровня в политике изучается рядом исследователей. Так, В.А. Колосов и Н.А. Мироненко предпочитают говорить о «территориально-политической организации общества» (ТПОО), которая, по их мнению, предполагает воздействие на политическую деятельность присущих каждой территории условий и факторов этой деятельности, их взаимосвязи, взаимозависимости и соподчиненности. При этом, согласно исследователям, имеет место сочетание двух видов территориально-политических систем (ТПС) – объективно складывающихся

ся в ходе политической и иной деятельности (ТПС де-факто) и системы территориально-политического деления и управления с его центрами как результата этой деятельности [Колосов, Мироненко, 2002, с. 290–291].

Следуя заявленной логике, авторы различают два основных типа ТПС.

Первый – ТПС де-юре, функционирующие в установленных границах: государства, их союзы и внутренние политико-административные единицы, специальные зоны, создаваемые для решения практических задач, избирательные округа и т.п.

Второй – объективно существующие ТПС де-факто, границы которых не совпадают с формально установленными, связанные с выполнением большего числа функций общественно-политического характера. В.А. Колосов и Н.С. Мироненко выделяют два уровня территориального деления, связанные с феноменом локального: первичные административно-территориальные единицы (территориальные коллективы) и собственно города (городские агломерации) с соответствующим набором функций.

В чем же, на взгляд авторов, заключается роль «мест и территорий» в современной ситуации, и каким образом они могут способствовать реструктурированию и рескалированию политического и экономического пространств? Именно они, как представляется, способны стать основой для создания более гибкой и адаптивной территориальной матрицы, способной своевременно реагировать на глобальные тренды и стимулировать социально-экономическое развитие в общенациональном масштабе. Помимо этого, они: 1) способны выступить в роли качественно нового, эффективного и дееспособного субъекта и объекта местного развития; 2) могут на перспективу стать структурной основой новой, более сбалансированной системы административно-территориального деления (АТД) современных государств; 3) способны обеспечить баланс вертикальных и горизонтальных связей в рамках единого пространства определенных стран; 4) могут явиться структурной основой новых, более эффективных и сбалансированных моделей местной политики; 5) способны сформировать новые возможности в процессах трансрегиональной и трансграничной кооперации; 6) могут эффективно и успешно интегрироваться в мировое экономическое, социальное и культурно-информационное пространства на основе многообразных сетевых связей; 7) способны эффективно консолидировать ресурсы разви-

тия локального пространства, обеспечить эффективное воспроизводство экономического, социального и культурного капиталов в его рамках; 8) способны стать значимым звеном формирующейся сегодня многоуровневой системы управления, содействуя эффективному взаимодействию между ее глобальным, национальным и местным уровнями; 9) способны принимать, реализовывать и самостоятельно генерировать инновации в различных сферах жизни общества.

При этом на локальном уровне территориальной организации накопилось сравнительно много проблем, которые, вероятно, будут эволюционировать. Среди общих недостатков системы управления, в рамках которой функционируют институты, связанные с локальными политиями, можно выделить:

– усложненность иерархической структуры [Прохоренко, 2012, с. 68–80];

– особенности региональной стратификации общества [Дакхин, 2015, с. 5–15];

– неравноправие административно-территориальных единиц одного уровня, чрезмерную дробность и нарушение во многих случаях оптимального соотношения в численности административных единиц разных иерархических уровней;

– кризис малых и средних городов во многих странах мира [Флорида, 2018].

Для современной России характерны следующие проблемы в контексте локальной политики, которые требуют дополнительного изучения.

– Слабая политическая субъектность местного самоуправления в условиях финансовых ограничений и усиления роли региональной власти [Туровский, 2015, с. 35–51]. Российские исследователи В.Г. Ледяев и А.Е. Чирикова отмечают, что опыт изучения власти в локальных сообществах позволил выявить ряд факторов, оказывающих влияние на локальную политику: ресурсы влияния, роль неформальных отношений, влияние глобализации на города, возрастание многомерности социальных процессов, локальный социальный капитал [Чирикова, Ледяев, 2017, с. 389–401].

– Проблема востребованности населением городов государственных и муниципальных услуг в условиях изменяющихся запросов со стороны общества [Трахтенберг, 2016].

– Неравномерность экономического развития многих территорий создает для них различные бюджетные возможности [Зубаревич, 2013].

– Изменение половозрастной структуры населения на локальном уровне. Потребности населения зависят от половозрастной и социальной структуры, особенностей занятости – старение населения локальных территориальных единиц либо демографический бум на территории способны вызвать изменения.

– Существующие трудности в реализации принципа субсидиарности, связанные с кризисным состоянием многих территориальных единиц локального уровня [Зубаревич, 2015]. Согласно принципу субсидиарности, вмешательство вышестоящего уровня управления в деятельность нижестоящего целесообразно, если действия последнего оказывают влияние на интересы соседних территорий или общества в целом. Вопрос о пропорциональности и оправданности такого вмешательства остается ныне открытым.

Таким образом, обнаруженная многими упомянутыми исследователями и подтвержденная авторами статьи экспансия локального осуществляется достаточно проблемно и вызывает неоднозначные последствия в условиях «многослойной» глобальной реальности. При этом локальному уровню еще предстоит занять свое устойчивое место (функциональную нишу) в рамках этой формирующейся реальности. Институционализация этого уровня еще предстоит, равно как и выстраивание адекватных современным запросам социальных, экономических, властно-управленческих и собственно политических форм локального.

Возникающая сегодня в результате экспансии локального модель многоуровневого управления существенно будет отличаться по своему характеру от систем управления национальных государств и традиционных моделей регионализма. В частности, в ее рамках увеличивается роль переговорного процесса между различными автономными уровнями территориальной организации и интегрирования интересов.

Действительно, создание многоуровневого управления создает необходимые связи для укрепления экономической взаимозависимости между различными уровнями территориальной организации в большей степени, чем просто торговля и научно-техническое сотрудничество. Опыт становления системы многоуровневого управления демонстрирует нам, что оно повышает эффективность управ-

ления путем разработки обновленных и согласованных стандартов управления. Создание новых наднациональных или локальных учреждений, таким образом, может быть использовано для решения более широкого спектра социально-экономических проблем [Gruber, 2000].

Таким образом, местная политика отныне призвана рассматриваться как публичное достояние, и одновременно ее теоретические основания подвергаются масштабной ревизии. Как представляется авторам, постепенное внедрение многоуровневой системы управления на основе многофункциональных сетевых связей, включающей в себя глобальный, национальный, региональный и локальный (местное самоуправление) уровни, позволило бы постепенно отказаться от централистских практик и перейти к более гибкой и эффективной модели за счет достижения большего баланса во взаимоотношениях различных территориальных уровней.

Список литературы

- Дахин А.В.* Региональная стратификация общества: Глобальное и локальное в культуре, экономике и политике, часть 1 // *Власть*. – М., 2015. – Т. 23, № 10. – С. 5–15.
- Зубаревич Н.В.* Кризисы в постсоветской России: Региональная проекция // *Региональные исследования*. – М., 2015. – № 1. – С. 23–31.
- Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г.* Неравенство социально-экономического развития регионов и городов России 2000-х годов: Рост или снижение? // *Общественные науки и современность*. – М., 2013. – № 6. – С. 15–26.
- Колосов В.А., Мироненко Н.С.* Геополитика и политическая география. – М.: Аспект-пресс, 2002. – 479 с.
- Прохоренко И.Л.* О методологических проблемах анализа современных политических пространств // *Полис. Политические исследования*. – М., 2012. – № 6. – С. 68–80.
- Трахтенберг А.Д.* Электронное правительство и электронные услуги: Операционализация административной идеологии и тактики граждан // *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*. – М., 2016. – Т. 16, вып. 2. – С. 63–79.
- Туровский Р.Ф.* Российское местное самоуправление: Агент государственной власти в ловушке недофинансирования и гражданской пассивности // *Полис. Политические исследования*. – М., 2015. – № 2. – С. 35–51.
- Туровский Р.Ф.* Субнациональная политика: Введение к возможной теории // *Полиция*. – М., 2014. – № 4. – С. 86–99.

- Флорида Р. Новый кризис городов. – М.: Издательская группа «Точка», 2018. – 430 с.
- Циммерман К. Собственная логика городов: Взгляд с точки зрения политологии // Собственная логика городов. Новые подходы в урбанистике / Под ред. Х. Беркинг, М. Лёв. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – С. 262–293.
- Чурикова А.Е., Ледаев В.Г. Власть в малом российском городе. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 414 с.
- Amin A., Thrift N. Living in the Global // Globalization, institutions and regional development in Europe / A. Amin, N. Thrift (eds). – N.Y.: Oxford univ. press, 1994. – P. 1–22.
- Amin A., Thrift N. Neo-Marshallian nodes in global networks // International Journal of Urban and Regional Research. – L., 1992. – № 16(4). – P. 571–587.
- Anderson J. The shifting stage of politics: New medieval and post-modern territorialities? // Environmental Planning. – Newcastle, 1996. – № 14(2). – P. 133–153.
- Appadurai Ar. Modernity at large: Cultural dimensions of Globalization. – Minneapolis: University of Minnesota, 1996. – 248 p.
- Bogeson P. Public Policy and local governance. Institutions in Postmodern Society. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2000. – 208 p.
- Braudel F. Civilization and Capitalism, 15 th – 18 th Century. – L.: Collins, 1984. – Vol. 3: The Perspective of the World. – 699 p.
- Brenner N. Global cities, global states: Global formation and state territorial restructuring in contemporary Europe // Review of International Political Economy. – Oxford, 1998. – N 5. – P. 1–37.
- Brenner N. Globalisierung und Reterritorialisierung // Grezen in den internationalen Beziehungen / R. Krämer (Hrsg.). – Potsdam: WeltTrends, 2009. – S. 72–100.
- Brenner N. State territorial restructuring and the production of spatial scale: Urban and regional planning in the FRG, 1960–1990 // Political Geography. – Amsterdam, 1997. – N 16(4). – P. 273–306.
- Brown T. Confirmatory factor analysis for applied research. – N.Y.: Guilford Press, 2006. – 493 p.
- Castells M. 1942 – The rise of the network society. – Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 2010. – 625 p.
- Cerny Ph. Globalization and the changing logic of collective action // International organization. – N.Y., 1995. – N 49(4). – P. 595–625.
- Cox R.W. Structural issues of global governance: Implications for Europe // Gramsci, historical materialism and international relations / Ed. by S. Gill. – N.Y., 1993. – P. 259–290.
- Everitt B. Cluster analysis. – Chichester; West Sussex, U.K.: Wiley, 2011. – 346 p.
- Friedmann J. The World city hypothesis // Development and change. – The Hague, 1986. – N 17(1). – P. 69–83.
- Friedmann J., Wolff G. World city formation: An Agenda for research and action // International journal for urban and regional research. – Chester, 1982. – N 6 (3). – P. 309–344.
- Global financial integration: The end of geography / R. O'Brien (ed.). – L.: Pinter for Royal institute of international affairs, 1992. – 120 p.

- Gottdiener M.* The social production of urban space. – Austin: Univ. of Texas Press, 1985. – 318 p.
- Gottmann J.* Since megalopolis. The urban writings of Jean Gottmann. – Baltimore: The Johns Hopkins univ. press, 1989. – 304 p.
- Gruber L.* The efficiency rationale for supranational governance // *Ruling the World: Power politics and the rise of supranational institutions* / Ed. by L. Gruber. – Princeton: Princeton univ. press, 2000. – P. 61–80.
- Harvey D.* The Geopolitics of capitalism // *Social relations and spatial structures* / Ed. by J. Urry. – L.: Palgrave, 1985. – P. 128–163.
- Harvey D.* The Limits of capital. – N.Y.: Oxford univ. press, 1982. – 478 p.
- Harvey D.* The Urban experience. – Baltimore: John Hopkins press, 1989. – 293 p.
- Kadushin C.* Understanding social networks: Theories, concepts, and findings / Ed. by A.J. Sammes. – N.Y.: Oxford univ. press, 2012. – 312 p.
- Keohane R.* Power and governance in a partially globalized world. – N.Y.: Routledge, 2002. – 316 p.
- Kilduff M., Tsai W.* Social networks and organizations. – L.: SAGE, 2003. – 170 p.
- Kramsch O.* Introduction. Postnational politics in the European Union // *Geopolitics*. – N.Y., 2004. – Vol. 9, N 3. – P. 531–541.
- Lefebvre H.* Les contradictions de L’Etat modern. La dialectique de L’Etat. – Paris: UGE, 1978. – Vol. 4: De L’Etat. – 478 p.
- Lefebvre H.* The Right to the city // *Writings on cities* / Ed. by H. Lefebvre. – Oxford: Cambridge Blackwell, 1995. – P. 63–184.
- Martindale D.* Functionalism in the social sciences: The strength and limits of functionalism in anthropology, economics, political science, and sociology. – Philadelphia: The American Academy of political and social science, 1965. – 162 p. – (The American Academy of political and social science monograph series; N. 5.)
- Mehta S.* Bombay: Maximum city. – Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 2006. – 560 p.
- Mumford L.* Die Stadt. Geshichte und Ausblick. – Koln: Kiepenheuer&Witsch, 1963. – 800 S.
- Ruggie J.* Territoriality and beyond: Problematizing modernity in international relations // *International organization*. – N.Y., 1993. – Vol. 47, N 1. – P. 139–174.
- Sassen S.* Cities in the world economy. – L.: Sage, 1993. – 424 p.
- Sassen S.* The global city. – N.Y.: Princeton univ. press, 2001. – 480 p.
- Scott A.J.* Locational patterns and dynamics of industrial activity in the modern metropolis // *Urban studies, urban studies journal*. – Cambridge, 1982. – Vol. 19(2). – P. 111–141.
- Scott A.J.* New industrial space. – L.: Pion, 1988. – 132 p.
- Scott A.J.* Regional motors of the global economy // *Futures*. – Los Angeles, 1996. – Vol. 28 (5). – P. 391–411.
- Self-service city: Istanbul / O. Esen, St. Lanz (eds). – Berlin: B-books, 2007. – 424 p.
- Smith N.* Geography, difference and the politics of scale // *Postmodernism and the social sciences* / J. Doherty, E. Graham, M. Malek (eds). – L.: St. Martin’s Press, 1992. – P. 57–79.
- Social relations and spatial structures* / D. Gregory, J. Urry (eds). – N.Y.: Palgrave, 1985. – 452 p.

- Social relations and spatial structures / J. Urry (ed.). – L.: Macmillan, 1985. – P. 128–163.
- Soja W.* Inside Exopolis: Views of orange country // My Los Angeles. From urban restructuring to regional urbanization / Ed. by W. Soja. – California: Univ. of California press, 2014. – P. 85–110.
- Storper M., Walker R.* The Capitalist imperative: Territory, technology and industrial growth. – N.Y.: Blackwell, 1989. – 292 p.
- Subra Ph.* Geopolitique de l'aménagement du territoire. – Paris: Armand Colin, 2007. – 327 p.
- Sudjic D.* The 100-mile city. – N.Y.: Flamingo, 1992. – 313 p.
- Swingedouw E.* Neither global nor local: «Glocalization» and the politics of scale // Spaces of globalization: Reasserting the power of the politics of the scale / Ed. by K.R. Cox. – N.Y.: Guilford press, 1997. – P. 137–166.
- Swingedouw E.* The Mammon quest: «Glocalisation» interspatial competition and the monetary order: The construction of new scales // Cities and regions in the new Europe / M. Dunford, G. Kafkalas (eds). – L.: Guilford press, 1992. – P. 39–67.
- Taylor P.J.* World cities and territorial states: The rise and fall of their mutuality in PL // World Cities in a world-system / Ed. by P.L. Knox, P.J. Taylor. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1995. – P. 48–62.
- The embedded firm. On the socio-economics of industrial networks / Ed. by G. Grabner. – L.; N.Y.: Routledge, 1993. – 306 p.
- Vasiliache A.* Verlierer oder Gewinner? // Grenzen in den internationalen Beziehungen / Ed. by R. Krämer. – Potsdam: WeltTrends, 2009. – S. 81–89.